

О.В. Орлова

Томский государственный педагогический университет

**Миромоделирующий потенциал медиаконцепта
и прецедентность в Интернет-дискурсе**

Аннотация: В статье с позиции кардинальных изменений категории прецедентности в Интернет-дискурсе описываются факторы динамики медиаконцептов, вовлеченных в прецедентные тексты. Доказывается, что наибольший миромоделирующий потенциал будут демонстрировать медиаконцепты, способные к инициации самостоятельных прецедентных феноменов и развивающиеся в Интернет-пространстве посредством интерпретационно-рефлексивных комментариев и толкований.

In the context of cardinal changes of the precedence category in Internet discourse the paper describes the factors the dynamics of media concepts involved in precedent texts. The author demonstrates that the greatest world modeling potential will be displayed by media concepts capable of initiating independent precedent phenomena and developing in Internet space via hermeneutic-reflective comments and interpretations.

Ключевые слова: медиаконцепт, миромоделирующий потенциал, прецедентный текст, Интернет-дискурс.

Media concept, world modeling potential, precedent text, Internet discourse.

УДК: 81'37; 81'38.

Контактная информация: Томск, ул. Карла Ильмера, 15/1, ТГПУ, историко-филологический факультет. Тел. (3822) 621747. E-mail: orlova13@sibmail.com.

Медиаконцепты – лингвосемантические феномены особого рода, отличающиеся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедшие в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставшие средством формирования и трансформации массового сознания (см. подробнее о типологии и существенных характеристиках медиаконцептов [Орлова, 2010]). В современной медиасфере можно выделить такие концептуальные доминанты, как *кризис, гламур, нано, нефть* и др. Дискурсивно значимой характеристикой медиаконцепта является его миромоделирующий потенциал – способность в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в массмедийном текстовом континууме выполнять лингвоментально-креативные и трансформативные функции, создавая постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума. Формирование прецедентных текстов и наделение их выраженной культурной маркированностью – одна из ярких примет медиаконцептов, обладающих сильным миромоделирующим потенциалом.

По нашему глубокому убеждению, коммуникативные свойства, свойственные Интернету как глобальной ежесекундно меняющейся, пульсирующей инфосфере, коренным образом влияют на процесс языкового существования прецедентов и наделяют новыми качествами саму категорию прецедентности. И дело здесь

не столько в том, что «виртуальный дискурс предполагает особую сферу взаимодействия людей и, следовательно, бытования текста» [Лутовинова, 2008, с. 131], сколько в том, что такие сущностные характеристики и системообразующие ценности виртуального дискурса, как выделенные О.В. Лутовиновой порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность, мозаичность, неограниченная доступность и скорость получения информации, анонимность, отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора, демократичность общения, свобода самовыражения [Лутовинова, 2009, с. 5–6] – оказывают значительное трансформирующее воздействие на ключевые факторы образования и развития прецедентного феномена в коммуникативном пространстве.

О прецедентах в Интернете имеется достаточно обширная литература, однако большинство исследователей описывает прецедентность в сети с позиций традиционной, неэлектронной, неинформатизированной, если так можно выразиться, коммуникации, в русле классической, идущей от трудов Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987] теории прецедентного текста.

В некоторых работах Интернет фигурирует только в качестве «среды обитания» прецедентов, при этом последствия влияния этой среды практически не учитываются: виртуальные тексты рассматриваются в одном алгоритме с текстами несетевой природы. В диссертации «Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса» глубоко и доказательно изучается явление смысловой элиминации прецедентного текста в рекламе, когда «в рекламных целях глубокий смысл уступает место максимальному упрощению значения прецедентного феномена» [Алексеева, 2009, с. 5], однако Интернет как сфера хранения, распространения и рецепции рекламного послания специально не рассматривается. В монографии Е.А. Нахимовой «Прецедентные имена в массовой коммуникации» [Нахимова, 2007] культурно маркированные онимы изучаются на основе данных «Национального корпуса русского языка» и архивов общенациональных высокотиражных российских газет, представленных в Интернете. Хотя автор активно пользуется большими функциональными возможностями Интернет-поиска, сам Интернет остается лишь глобальным хранилищем огромных текстовых массивов со значительно облегченной процедурой их технологической обработки в исследовательских целях.

В ряде работ, напротив, пристальное внимание уделяется Интернету как особой разновидностью коммуникации, выявляется специфическое именно для виртуального дискурса и его жанров. Исследователи приходят к выводу о превалировании в сетевой коммуникации травестийной, пародийной, игровой, ироническо-смеховой, анекдотической тональности и о том, что типичными сферами-источниками прецедентных текстов здесь выступают, по преимуществу, наряду с фольклорным и паремическим фондом, произведения массовой культуры – анекдоты, популярные художественные и анимационные фильмы, песни, рекламные ролики [Гриценко, 2010, с. 12–15; Рыжков, 2010, с. 13].

Автор диссертационного исследования «Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса» О.В. Лутовинова считает, что основополагающим для прецедентности в виртуальном дискурсе становится возможность реализации интенций, «недостижимых в ситуации реального взаимодействия»: «несовершенство» реального мира подвергается ироническому осмыслению. Вследствие этого прецедентными текстами виртуального дискурса оказываются тексты смеховых жанров». Кроме собственно иронически-смеховых либо пародийно обыгранных паремий, крылатых выражений, цитат из прецедентных текстов, чаще всего – анекдотов, виртуальный мир порождает «прецедентных персонажей, к которым относятся *Вася Пупкин*, *Шушпанчик* и *Вуглускр*. Данные прецедентные персонажи не только «обитают» в Сети, как многие известные, переместившиеся в нее из ситуации реального общения, но и были созданы в самой вир-

туальной среде, неразрывно связаны с ней, и вне пределов виртуального мира не функционируют» [Лутовинова, 2009, с. 11–12].

Мы, безусловно, согласимся с мнением о яркой проявленности в Интернет-пространстве «коллажированности, мозаичности современного постмодернистского сознания», о чрезвычайной важности в нем «информационных систем, масс-медиа, информативной природы знаний», об «Интернет-коммуникации как о неоднородной коммуникативной структуре» [Гриценко, 2009, с. 14]. Вместе с тем эти же качества, наряду с заявленными выше интерактивностью, информационной доступностью, «стремительностью» и «безграничностью», анонимностью, демократичностью и либерализмом, делают Интернет пространством свободного диалога и информационного обмена, пространством намного более объемным и полифоничным, нежели в основном описываемый исследователями фатический, людический, развлекательно-гедонистический его фрагмент, представленный эндемичными (в терминологии О.В. Лутовиновой – дискурсоприобретенными) Интернет-жанрами, к которым относят чат, флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам. Набор ведущих речевых стратегий и тактик также оказывается для синхронного Интернет-дискурса весьма своеобразным, практически уникальным: «людическая, эндемическая, оценочная, девиантная и фасцинирующая» речевые стратегии реализуются посредством речевых тактик «слеркинга, троллинга, спима» и др. [Рыжков, 2010, с. 7].

Однако Интернет как доминирующее, по крайней мере, последнее десятилетие, масс-медиа, потому и называется глобальным, что вмещает в себя не только огромный массив информации, но и практически все проявления публичной коммуникации как таковой: в нем размещается или дублируется, наряду с бумажными телевизионными и радиальными носителями, большинство СМИ, в нем активно развиваются СМИ собственные. Именно в интернете аббревиатура SMK обретает буквальное прочтение, поскольку происходит именно массовая – по беспрецедентному количеству агентов, именно коммуникация – по причине реальной возможности интерактивного отклика, диалога, полилога on-line. Бесчисленные порталы, форумы, гостевые странички, чаты, блоги предлагают принципиально нелитимизируемому числу пользователей возможность не только открыто обсуждать любой информационный повод, но и инициировать его. Все это многократно интенсифицирует коммуникативно-интерпретационный и лингвокреативный потенциал языковой личности, способствует свободной реализации ее когнитивных интенций и разнообразных мировидческих рефлексий.

Вследствие этого исследовать Интернет-коммуникацию вообще и прецедентность в частности необходимо, на наш взгляд, изучая не только то яркое, принципиально новое и экзотичное, что он привнес в нашу жизнь. Последнее чрезвычайно вероятно за деревьями не увидеть леса, а очевидное и своеобразное, эндемичное, сугубо виртуальное, не свойственное институциональному и неинституциональному «общению в реале», признать за единственно существенное и важное. В то время как виртуальная коммуникативная среда, не только порождая новые, но и переплавляя традиционные жанровые и дискурсивные формы, вырабатывая, пользуясь терминологией М.С. Рыжкова, собственный коммуникативный и жанровый формат как «прототипную конфигурацию развертывания дискурса» [Рыжков, 2010, с. 9], коренным образом трансформирует гармонирующие «реальную» коммуникацию закономерности и правила, отменяет действие одних коммуникативных универсалий [см. о них: Болотнова, 1992] и гипертрофированно усиливает действие других.

Так, глубокое и аргументированное исследование кардинальных трансформаций считающихся аксиомами законов и закономерностей коммуникации в Интернет-общении проводит П.В. Шкапенко. Автор убедительно доказывает, что «дистантность и анонимность обуславливают иррелевантность Принципа вежливости Лича в условиях чат-дискурса. Из всех максим Лича в чате соблюдаются

лишь максимы согласия и одобрения, обеспечивающие самоидентификацию участников чатов как единого сообщества. Активное использование участниками стратегий позитивной вежливости сочетается с полным отсутствием стратегий негативной вежливости. В условиях чат-дискурса релятивизируется само понятие речевого акта, значительные изменения претерпевают конститутивные правила осуществления иллокутивных актов, рождаются новые конвенции оформления локутивного акта» [Шкапенко, 2008, с. 7]. Н.Н. Казнова, изучающая французскую блогосферу, утверждает, что «изменение канала коммуникации влечет за собой трансформацию всех составляющих коммуникативного акта» и традиционных жанров, разрабатывает понятие виртуальной языковой личности [Казнова, 2011, с. 6].

В других исследованиях отмечается, что в «Интернет-коммуникации (и особенно в блогах) наблюдается разрушение оппозиции «личное – публичное», происходит переплетение, взаимопроникновение этих категорий с постепенным размыванием границы между ними» [Рогачева, 2009, с. 98–99], говорится о гибридности интернет-дискурса, обусловленной «диффузией личностного и группового начал виртуальной языковой личности» [Рыжков, 2010, с. 6], что свидетельствует о нерелевантности применения ко многим разновидностям Интернет-коммуникации универсальных критериев институциональности / персональности дискурса [Карасик, 2000].

Несколько по-новому и по-другому, нежели в традиционной письменной и устной коммуникации, выглядит в Сети и прецедентность, причем не только та, в которой источником прецедентного феномена становится сама Интернет-среда, хотя и таковых прецедентов огромное количество и они заслуживают отдельного изучения (см., например, работы Г. Гусейнова [Гусейнов, 2008] или целые информационно-аналитические сайты [<http://sites.google.com/site/mememediavirus/home>] о феномене Интернет-мемов и медиавирусов, наподобие *превед-медвед* или *мистер Трололо*). Однако дело в том, что и прецедентные тексты в их традиционном, в соответствии с концепцией Ю.Н. Караулова, понимании испытывают в Сети значительные изменения специфики их функционирования – изменения характера пульсации прецедентности, ее, пользуясь терминологией Н.А. Кузьминой, резонансности [Кузьмина, 2009, с. 67–93].

В уже достаточно далеком 1998 г. в сборнике «Язык. Сознание. Коммуникация» была опубликована дискуссия о категории прецедентности, участниками которой стали видные отечественные языковеды Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др. [Сорокин, Гудков, Красных, Вольская, 1998]. Несмотря на вышедшее в 2000-х большое количество работ, посвященных рассматриваемому вопросу, данная дискуссия важна для нас по той причине, что в ней в процессе того, что мы бы сейчас назвали мозговым штурмом, диспутанты пытаются уловить, зафиксировать и сформулировать те признаки прецедентности, которые потом уже в номенклатурно-списочном формате будут представлены в ставших хрестоматийными их работах. Некоторые из этих признаков четко артикулированы в итоговом резюме дискуссии, некоторые – рассредоточены, разлиты по тексту в виде предположений и тезисов. Для нас важно, что кроме типичных признаков прецедента, таких как повторяемость, социокультурная и национальная маркированность, отрефлексированность, аксиологическая отмеченность, ассоциативная реактивность, в рассуждениях ученых проявляются крайне значимые, но до сих пор не вполне реализованные идеи о присущей прецедентным феноменам сложной диалектике инвариантности / вариантности, ядерности / периферийности в неоднозначных стративных, гендерных, территориальных, дискурсивных границах тех или иных социумов и культур, а также о неизбежной исторической изменчивости смысловой структуры прецедента в процессе его функционирования.

Как отмечает в написанной спустя десятилетие в 2008 г. диссертационной работе А.Ю. Аристов, большинство посвященных прецедентности лингвистиче-

ских штудий конца 1990-х – начала 2000-х гг. не содержат «попытки проследить диахроническое существование прецедентных феноменов» и «посвящено фундаментальному изучению самого феномена («стационарно»): <...> исследование прецедентного текста ограничивается исключительно его маркерами, <...> тогда как функционирование самого прецедентного текста как вербализуемого прецедентного феномена остается за рамками исследования» [Аристов, 2008, с. 3]. Теперь, выходя в пространство Глобальной сети, мы можем полноценно изучать социальную и культурную новейшую историю прецедента, проследивать всплески и спады прецедентности, судить об их дискурсивных и экстрадискурсивных причинах и следствиях.

Интернет как сверхподвижная, текучая среда функционирования прецедента реформирует ведущие параметры прецедентности. В первую очередь это касается трех взаимосвязанных признаков, а именно – повторяемости, рефлексивности и культурной маркированности.

По мнению А.Ю. Аристова, «взаимосвязанными являются два критерия определения В.В. Красных: чем более актуален текст, тем чаще он цитируется и, соответственно, чем чаще текст цитируется, тем более актуальным он становится» [Там же, с. 12]. В Интернет-коммуникации по причине свойственной ей неограниченной интеракциональной активности рекуррентность прецедента зачастую говорит скорее о его популярности (известности, широком внимании, общественных симпатиях), нежели о подлинной актуальности (соответствии запросам современности).

Гипертекстовый и ссылочный аппарат Сети делает возможным простую репликацию сообщения, когда коммуникативная интенция отправителя сводится исключительно к распространению исходного контента с латентным иллюкутивным посылом «Я советую это посмотреть / прочитать, потому что считаю это интересным». Такую повторяемость без наращивания информативно-смыслового объема исходного сообщения можно назвать пассивной. Она свидетельствует о спонтанной популярности того или иного феномена, служит распространению Интернет-мемов и медиавирусов и, как правило, весьма кратковременна: бурно развивается, но быстро и стремительно спадает (из последних примеров 2010 г. можем назвать *мистера Трололо*, а пик популярности уже малоизвестного *Медведа* пришелся на 2006 г. [<http://ru.wikipedia.org>]). Факты пассивной повторяемости – интереснейший объект изучения исследователей масс-медиа, массовой культуры, культуры и риторики повседневности.

Однако большей степенью культурной маркированности, свидетельствующей, скорее, не о популярности, а уже о социокультурной и мировидческой актуальности прецедентного текста, обладает повторяемость активная. Речь идет о фактах активности говорящего, когда он либо вводит прецедентный текст в структуру собственного сообщения (назовем это активной повторяемостью первого порядка), либо создает собственный рефлексивно-интерпретационный текст по поводу прецедентного феномена (назовем это активной повторяемостью второго порядка).

Активная повторяемость свойственна как «реальной», так и киберкоммуникации, но в рамках последней она приобретает, во-первых, свойство длительной и относительно стабильной фиксации (что невозможно без технических приспособлений в формате устной речи), а во-вторых, – свойство сверхлегкой обнаруживаемости и идентификации (что крайне затруднено с бумажными носителями, но легко доступно с помощью электронных поисковых систем). Таким образом, факты прецедентности в Сети оказываются с эпистемологической точки зрения более «объективными» и верифицируемыми, а с коммуникативной точки зрения – всегда открытыми к реинтерпретации и выражению рефлексии по их поводу. Все это позволяет проследить реальную темпоральную и интеракциональную динамику прецедентности как живого социокультурного процесса, более-менее объективно

измерить миромоделирующий потенциал прецедентного текста, «вступающего в резонанс с массами читателей» [Кузьмина, 2009, с. 92].

О наивысшей степени культурной маркированности прецедентного феномена и превращении его в текст влияния (по Н.А. Кузьминой, «энергетически сильный текст в прецедентной фазе существования в интертексте» [Там же, с. 93]) свидетельствует, на наш взгляд, появление в электронной инфосфере рефлексивности эксплицитной, осознанной, намеренной, тенденциозной. Здесь мы имеем в виду в первую очередь создание отдельных площадок (сайтов, блогов, постов, страничек, тем, комментариев) или транзакций, посвященных прецеденту. (Термин транзакция предлагает в качестве единицы членения Интернет-дискурса М.С. Рыжков, подразумевая под транзакцией «дискурсивный фрагмент, представляющий собой последовательность нескольких речевых шагов, соединенных тематически и служащих достижению поставленной цели общения» [Рыжков, 2010, с. 5].)

Как развивается миромоделирующий потенциал медиаконцепта при его вовлечении в прецедентный текст? На наш взгляд, динамика семантической эволюции концепта обуславливается в данном случае комбинаторным взаимодействием двух факторов.

Первый фактор условно можно назвать фактором инициации, поскольку концепт может включаться в уже известные, состоявшиеся прецедентные тексты, модифицируя их структуру и «паразитически» (ср. с понятием текстов-паразитов Г.Г. Слышкина [Слышкин, 2000]) используя их культурную память и ассоциативную ауру, а может иницировать собственный прецедентный текст, постепенно приобретающий статус самостоятельного текста влияния.

Примеры эксплуатации медийными доминантами популярных прецедентных текстов весьма частотны. Т.В. Шмелева приводит такие заголовки материалов о кризисе: *Кризис с человеческим лицом; Кризис. Труд. Май; Кому в кризис жить хорошо* – замечая, что «в круг прецедентных входят и классические тексты русской литературы, и социалистические лозунги, <...> что стоит расценивать как глубокое освоение понятия *кризис* в материи русской культуры» [Шмелева, 2009]. Концепт *нефть* также демонстрирует подобную «паразитическую» активность и текстогенность (термин Т.В. Шмелевой [Там же]): *Нефть – это наше все; Нефть-матушка; Не нефтью единой; Унесенные нефтью*. Думается, что в данном случае говорить о глубоком освоении концепта в материи культуры рано, но можно говорить о нахождении концепта в стадии интенсивного роста его миромоделирующего потенциала.

Что же касается инициации концептом собственных прецедентных текстов, что, на наш взгляд, и является бесспорным свидетельством глубокого проникновения в культуру, то о *кризисе* (в настоящее время концепт находится в стадии затухания до нового экономического потрясения) таковых, судя по нашим данным, не имеется, в то время как о *нефти* существуют прецедентные тексты, ставшие текстами влияния и вошедшие в культурный тезаурус современника. Например, ставшая культовой в определенных субкультурах фраза *Вечность нахнет нефтью*, прозвучавшая в знаменитой песне «Русское поле экспериментов» лидера сибирского панк-рока Е. Летова, а затем неоднократно обыгранная в произведениях В. Пелевина.

Второй фактор, обуславливающий динамику дискурсивной эволюции концепта в прецедентном тексте, связан с описанной выше диспозицией ключевых признаков прецедентности в Интернет-коммуникации. В диахроническом эволюционном плане вместе с качественным прогрессом повторяемости – от пассивной к активной, сначала первого, затем второго порядка – нарастает степень рефлексивности и культурной маркированности прецедента. Следовательно, наибольший миромоделирующий потенциал будут демонстрировать медиаконцепты, способные к инициации собственных самостоятельных прецедентных феноменов

и развивающиеся в дискурсивном Интернет-пространстве посредством разнообразных интерпретационно-рефлексивных комментариев и толкований.

Литература

- Алексеева М.С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.
- Аристов А.Ю. Интерпретация лингвокультурного фона в произведениях англоязычных авторов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2008.
- Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки. 1992. № 4. С. 75–87.
- Гриценко Л.М. Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.
- Гриценко Л.М. Языковая игра как способ реализации прецедентного текста в чат-коммуникации // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 318. С. 14–17.
- Гусейнов Г.Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>.
- Казнова Н.Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011.
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск, 2009.
- Лутовинова О.В. Прецедентные феномены виртуального дискурса // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 131–136.
- Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2009.
- Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>.
- Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 6 (69). С. 79–84.
- Рогачева Н.Б. Речевая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация: Материалы Всероссийской научной школы для молодежи (25 августа – 08 октября 2009 г.). Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 97–100.
- Рыжков М.С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 1998. С. 5–33. Вып. 4.
- Шапенко П.В. Специфика реализации прагмалингвистических принципов в Интернет-дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/shmeleva-09.htm>.